А.Н.ОСТРОВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

1

Неожиданный случай

Александр Николаевич Островский

Александр
Николаевич Островский. НЕОЖИДАННЫЙ
СЛУЧАЙ. Драматический этюд
Сцена первая
Сцена вторая
Комментарии

Александр Николаевич Островский

НЕОЖИДАННЫЙ СЛУЧАЙ

Драматический этюд

ЛИЦА:

СЕРГЕЙ АНДРЕИЧ РОЗОВЫЙ
неслужащий помещик лет 27.

ПАВЕЛ ГАВРИЛЫЧ ДРУЖНИН
чиновник, товарищ Розового по учебному заведению.

СОФЬЯ АНТОНОВНА
вдова лет 30.

МАША
горничная Софьи Антоновны.

Сцена первая

Кабинет холостого человека.

I

Розовый лежит на диване.

Розовый *(один).* Однако это черт знает как глупо! Даже совестно!.. Ведь вот один сидишь, а тебя в краску бросает. А еще считаешь себя порядочным человеком, про других говоришь: тот не так себя ведет, другой смешон. А что может быть хуже моего-то поведения? Совершенная гадость! Ну на что это похоже, что не могу я видеть женщины равнодушно: как только подойду, так теряю и рассудок и всякое соображение, говоришь и делаешь такие вещи, что после как будто тебе все это во сне снилось. Ну с чего я так разнежился вчера, например. Сначала-то как и путный, заговорил с ней о погоде, о литературе, а там и пошел, и пошел: «и какое блаженство быть любимым такой женщиной, как вы, Софья Антоновна! Да я не смею я мечтать о таком счастье...» Положим, что и другие то же говорят, да у них это как-то на шутку похоже; а ведь я чуть не со слезами.

Ах ты, гадость какая! Да и Софья-то Антоновна хороша тоже!.. Ей бы посмеяться надо мной и кончено дело, — я бы и не лез больше, а то: «Да вам верить нельзя, да вы все так говорите». А я-то клясться, я-то божиться!.. Фу!.. *(Закрывает лицо руками.)* Для чего это я делал, теперь спрашивается? Жениться на ней мне совсем нет никакой надобности, я могу найти и лучше ее и богаче. А ведь я по своей глупости так повел дело, что она теперь думает, будто я влюблен без памяти и ей остается только осчастливить меня на всю жизнь. Да как ей не думать, когда я сам клянусь ей в этом!.. Ах, дурак, дурак! *(Лежит молча.)* Да вот что гадко-то, что каждая такая глупость меня мучит после, из головы не выходит. Ведь забываешь же иногда вещи и важнее, а тут вдруг ни с того ни с сего придет тебе в голову иногда даже во время разговора с кем-нибудь — весь вспыхнешь и сконфузишься черт знает чему. Уж я и не знаю, говорить ли мне об этом Дружнину, или нет. он взбесится на меня, непременно взбесится, изругает, пожалуй!.. А все-таки надобно с ним посоветоваться, это дело начинает принимать серьезный характер. Только я думаю не рассказывать ему всех-то глупостей, а так кое-что, слегка, да и попросить у него совета. А то женишься,

пожалуй, ей-богу, женишься! Уж у меня сердце чувствует, что женюсь когда-нибудь так совсем на посторонней женщине, вдруг предложу руку, да и кончено дело. *(Задумывается.)* А какая там вчера была девушка!.. Что это за прелесть! Вот красавица-то! Меня так и подмывало поговорить с ней о чем-нибудь, да боялся. Ну, вдруг ни с того ни с сего откроешься в любви… Девочка молоденькая!.. Что должна подумать? Либо обидится, либо за дурака сочтет.

II

Дружнин *(входит)*. Здравствуй, Сережа!

Розовый. А, здравствуй, Павел!

Дружнин *(садится)*. Ну, что новенького у тебя?

Розовый. Какие же у меня могут быть новости!

Дружнин. Что ты толкуешь: какие новости! Ведь я тебя целую неделю не видал — неужели ты все дома сидел?

Розовый. Нет, не все дома, был кое-где.

Дружнин. А где ж бы это, например?

Розовый. В театре был, еще кое-куда заезжал.

Дружнин. Да куда же? Что это за скрытность в тебе, Сережа, как это гадко! Право ведь, Сережа, гадко. Я, кажется, от тебя ничего не скрываю.

Розовый. Никакой тут скрытности нет; да не

люблю я толковать о пустяках.

Дружнин. Какие же это пустяки? Ну, какие пустяки! Ты меня выведешь из терпения. Человек у тебя с участием спрашивает, заботится о тебе, а ты говоришь: пустяки.

Розовый. Да ей-богу, Паша, рассказывать нечего; скажи ты что-нибудь.

Дружнин. Что я, забавлять, что ли, тебя пришел! Да что ты в самом деле? Я отрываюсь от дела, бегу к нему без памяти: не случилось ли чего? а он и знать не хочет, Нет, уж это ни на что не похоже. Ну, полно, Сережа, не дурачься, скажи, где был; в середу, я знаю, ты был в театре, а потом?

Розовый. Ну, а потом: в пятницу у Софьи Антоновны, в субботу у Хохловых, вчера опять у Софьи Антоновны, вот тебе и все.

Дружнин. Постой, постой! У какой Софьи Антоновны? Что это за Софья Антоновна? Я что-то прежде не слыхал об ней.

Розовый. Как, братец, не слыхал, — я, кажется, говорил тебе.

Дружнин. Когда говорил? Ничего ты мне не говорил — ты врешь!.. Нет, брат, это у тебя какие-то новости! И уж наверно глупость какая-нибудь.

Розовый. Да какие же, Паша, глупости? Никаких глупостей нет.

Дружнин. Уж, пожалуйста, не говори, я тебя знаю. Ни слова не скажешь и знакомишься черт знает с кем!

Розовый. Да я уж с ней давно знаком.

Дружнин. Вот это мило! Да как же я-то ничего не знаю. Что ты со мной делаешь, скажи ты, сделай милость?

Розовый. Да не стоит знать-то — так, пустое знакомство.

Дружнин. Да все-таки подло!.. Если она хорошая женщина, ты и меня должен был познакомить с ней.

Розовый. Нет, Паша, не стоит. Я наперед знаю, что она тебе не понравится.

Дружнин. А ты-то для чего знаком с ней?

Розовый. Да так, нечаянно познакомились.

Дружнин. Что она, вдова?

Розовый. Вдова.

Дружнин. Богата?

Розовый. Нет, нельзя сказать.

Дружнин. Хороша собой, что ли?

Розовый. Ничего особенного; самое обыкновенное лицо.

Дружнин. Ну, уж это рожа. Коли ты говоришь, что обыкновенное лицо, так уж нечего и толковать.

Розовый. Нет, уж ты, Паша, слишком пересаливаешь! А по правде-то сказать, так в самом деле нет ничего привлекательного.

Дружнин. По крайней мере умная женщина или уж добра очень, что ли?

Розовый. Ну, и этого не скажу. Есть у нее что-то в характере, что мне не нравится.

Дружнин. Что же ты в ней нашел? теперь спрашивается.

Розовый. Ничего не нашел. Уж будто непременно нужно искать чего-нибудь. Знаком так же, как и все с ней знакомы, ни больше ни меньше.

Дружнин. Как же, поверю я тебе! То-то и беда моя, что ты никогда не делаешь так, как люди-то делают. Ну, рассказывай теперь мне, как ты с ней познакомился, в каких вы с ней отношениях и так далее…

Розовый. Да зачем, Паша?

Дружнин. Сережа!.. Ну, сделай милость! Голубчик! Ну, я прошу тебя.

Розовый. Изволь, изволь!.. Познакомился я с ней у Окуневых. Потом, дня через три, встретил ее на Кузнецком мосту: идет пешком… Посмотрел бы ты, как идет!.. Прелесть! Походка какая!.. Ах, Паша, как иные женщины ходят.

Дружнин. Ну, так, так, я уж тебя знаю. Продол-

жай, продолжай!

Розовый. Ну, встретились мы. Она меня звала к себе.

Дружнин. Ты, разумеется, поехал.

Розовый. Известно, поехал. Отчего ж не поехать?

Дружнин. Ну, потом что?

Розовый. Так и познакомились.

Дружнин. Что ж ты у ней делаешь?

Розовый. То же, что и другие… Вот что, Паша, — ты меня этакими вопросами только с толку сбиваешь, а я с тобой серьезно хотел поговорить об этом деле.

Дружнин. Ну, говори, говори! Говори скорей!

Розовый. Только ты меня не перебивай, сделай милость. Ей-богу, ты, Паша, ко мне уж очень строг; я, право, всегда тебя конфужусь.

Дружнин. Ну, хорошо, хорошо! Я слушаю.

Розовый задумывается.

Да говори скорей, не мучь ты меня.

Розовый. Дело, Паша, важнее того, как ты думаешь, Я запутался совершенно и не знаю, как мне быть теперь. Вот видишь ли, был я на этой неделе у Хохловых, там была и она. Я не знаю, братец, что со мной сделалось: я в этот вечер

был в особенном расположении к нежности. Я предложил довезти ее домой на моих лошадях. Да ты не сердись, пожалуйста.

Дружнин. Ну, ну…

Розовый. Она согласилась. Зашел к ней, посидел у нее с полчасика, потолковали кой о чем, и пришла же мне в голову мысль целовать у ней ручки.

Дружнин. Обе?

Розовый. Обе.

Дружнин. Экий дурак-то!

Розовый. Ну, и вчера то же самое. Вчера уж я так разнежился, что, право, Паша…

Дружнин. Ну, что?

Розовый. Самому, Паша, совестно!..

Дружнин. Ну, что же ты такую глупую рожу-то сделал? Чему ты смеешься? Делает глупости, да еще смеется. Это просто из рук вон. *(Ходит по комнате.)* Ах, боже мой, боже мой, что он делает! *(Подходит к Розовому.)* Ну, Сережа, я буду говорить с тобой хладнокровно. Скажи теперь ты мне откровенно, зачем ты целовал у нее руки, зачем? Ну, говори, что же ты молчишь? Еще мне понятно, что человек с слабым сердцем может поцеловать руку у женщины при случае; ну, черт возьми, что за важность! Да зачем ты другую-то целовал?

Розовый. Зачем? Сам не знаю зачем!.. Так поцеловал, да и все тут!

Дружнин. Вот гнусная-то черта в твоем характере. Вот она всегда тебя путает. Это досадно до смерти; ты ведь не дурак по природе, ну, и образованный человек, а что ты делаешь!..

Розовый. Ты, Паша, не сердись, сделай милость.

Дружнин. Да как же на тебя не сердиться, когда ты черт знает что делаешь. Ах, батюшки мои! Уж ты попадешься когда-нибудь.

Розовый. Да что ж, брат, делать-то, нельзя удержаться.

Дружнин. Не говори мне этого, сделай милость! Нельзя удержаться! Это только ты один не можешь удержаться. Так, каша какая-то, смотреть противно. А отчего? Оттого, что распущен очень характер, до того распущен, что подло, просто подло!..

Розовый. Да, да, Паша, скверно, я сам вижу, что скверно. Плохое мне житье с моим характером. Иногда бывает так неловко, так конфузно, что не знаешь, куда спрятаться от самого себя.

Дружнин. Вот видишь, Сережа, ведь ты сам это чувствуешь. Что же ты не стараешься, Сережа, как-нибудь исправиться?

Розовый. Как тут исправишься?

Дружнин. Да ты вот что попробуй: ты прикинься разочарованным. Попробуй, Сережа!

Розовый. Да что толку-то.

Дружнин. Да ты попробуй.

Розовый. Да уж я пробовал.

Дружнин. Что же?

Розовый. Еще хуже!.. Нет, Паша, для этого нужны люди с сильными характерами. Ах, как гадко! Боже мой, как гадко! Лезешь ко всякому с нежностью, с откровенностью. Над тобой смеются, рассказывают про тебя анекдоты!..

Дружнин. Видишь, Сережа, видишь!.. Ведь вот ты сам понимаешь.

Розовый. Да что же мне делать-то? Уж ведь это у меня с детства. Ты не поверишь, Паша, меня маленького даже секли за это. Да что, это ничего! Кабы ты знал, сколько я перенес неприятностей за свой характер! Я про сто не знаю, что мне делать с собой. Я уеду куда-нибудь, непременно уеду. Поеду к себе в деревню и останусь там на всю жизнь. Ты, Паша, навещай меня, сделай милость.

Дружнин. Полно, полно, Сережа, что ты!

Розовый. Нет, Паша, уеду, непременно уеду.

Дружнин. Что ты дурачишься-то, что ты?

Розовый. Да разве ты не видишь, что нельзя мне здесь оставаться?

Дружнин. Да отчего же?

Розовый. А характер-то у меня какой…

Дружнин. Что ж такое характер?

Розовый. Скверный характер, неприличный. Как же я с таким характером здесь останусь?

Дружнин. Полно, полно, Сережа! Ты гордись своим характером. Я бы сам желал иметь такое сердце, как ты.

Розовый *(жмет ему руку с чувством)*. Паша! Ты мой друг настоящий, единственный, это видно изо всего. Вот теперь ты меня хочешь утешить только, а совсем не то говоришь, что чувствуешь.

Дружнин. Ей-богу, Сережа, что чувствую, ей-богу!

Розовый. Эх, Паша!.. *(Сидит задумавшись.)*

Дружнин. Сережа, Сережа! выслушай ты меня. Ведь если это разбирать строго, с настоящей точки зрения, это нельзя назвать даже недостатком; это скорей хорошее качество.

Розовый. Нет, Паша, не говори: это скверная черта. Постоянно доходят до тебя стороной обидные замечания; постоянно краснеешь, конфузишься сам за себя.

Дружнин. Да чего же конфузиться-то!

Розовый. Да как же не конфузиться: принимают тебя за дурака, да не то что за дурака, а гораздо хуже, обиднее.

Дружнин. А тебе что за дело? Всегда найдутся люди, которые сумеют оценить тебя. А что ошибся раза два-три — это не важность. Не уголовное дело, ведь не подлость же какую-нибудь ты сделал.

Розовый. Так ты думаешь, Паша, что это не важность? Поддерживай меня, Паша, а то меня мнительность моя замучает до смерти. Мне иногда приходит в голову, что это в самом деле не важность.

Дружнин. Да разумеется!

Розовый. Ей-богу, Паша, мне всегда нужна поддержка. Ведь вот теперь я сам вижу, что это не важность — просто вздор, да и все тут. Ты меня развеселил, Паша! Поедем сегодня в театр.

Дружнин. Пожалуй, поедем. Что это тебе вдруг пришло в голову?

Розовый. Да так. Поедем, да и все тут,

Дружнин. Вот ты опять, Сережа, затеваешь что-то…

Розовый. Ничего не затеваю. Это та же история.

Дружнин. Какая та же?

Розовый. Софья Антоновна звала!

Дружнин. Как звала?

Розовый. Да так, просто: я вчера стал с ней прощаться, а она мне и говорит: приезжайте завтра ко мне в ложу… А из театра к ней на минуточку заехать.

Дружнин. Ты и поедешь?

Розовый. Поеду!..

Дружнин. И таки решительно поедешь?

Розовый. Решительно поеду!.. *(Смотрит на часы.)* Да уж и пора.

Дружнин. Сережа! Я тебя умоляю, не езди.

Розовый. Нельзя, Паша!

Дружнин. Сережа! Если ты хочешь быть мне другом, так не езди.

Розовый. Нельзя, Паша, ей-богу, нельзя, — я дал честное слово.

Дружнин. Сережа, не езди!..

Розовый. Говорят тебе, нельзя!

Дружнин. Отчего нельзя? Скажи, что болен.

Розовый. Как же это можно: я нынче обедал с ее двоюродным братом.

Дружнин. Да что ты делаешь-то, опомнись!..

Розовый. Да ведь ты сам сказал, что это не важность.

Дружнин. Ишь ты выдумал — не важность! Это-то и важно. Не важность! Да рассуди ты хорошенько. Ты вот запутаешься, женишься… Ведь уж непременно женишься, стоит только женщине тебя в руки взять. Жена у тебя не хороша, по всему видно, кокетка; еще, может быть, зла. Начнет кокетничать с другими, тобой явно пренебрегать, капризничать, ты, разумеется, по мягкости своей, не будешь сметь сказать против нее ни одного слова; ты будешь все переносить на себе, не позволишь даже себе высказаться, еще сам, пожалуй, влюбишься в кого-нибудь: начнешь тосковать — запьешь, застрелишься либо от горя с ума сойдешь. Вот ведь какая участь ожидает тебя! Отчего-нибудь да умер у нее первый-то муж. Вот какая ужасная перспектива перед тобой.

(Розовый стоит задумавшись.)

Пользуйся своим положением, пока еще совершенно свободен в выборе.

Розовый. Да, я совершенно еще свободен.

Дружнин. Ты можешь взять молоденькую девушку с неиспорченной душой, с добрым сердцем, которая способна будет оценить твою нежность.

Розовый. Да, да, Паша, молоденькую девушку,

именно молоденькую девушку. Ах, как это хорошо взять молоденькую девушку. А какую я, Паша, знаю девочку, лет восемнадцати.

Дружнин. Ну, вот видишь.

Розовый. Красавица!.. Уж какая красавица-то… Только, Паша, этого быть не может!

Дружнин. Чего быть-то не может?

Розовый. Да как же? эдакая красавица, щечки так и горят, и вдруг — твоя жена!..

Дружнин. Что ж тут удивительного?

Розовый. Мне все кажется, что это только в романах бывает; я бы, кажется, сам не посмел посвататься за такую красавицу.

Дружнин. Вот ты дурак-то какой.

Розовый. А ведь иногда, Паша, как размечтаешься об этом, так, кажется, можно с ума сойти от счастья. Ты представь себе — красавица, и эта красавица — твоя жена!..

Дружнин. Ну, ведь вот ты сам понимаешь.

Розовый. Так не ездить?

Дружнин. Не езди, Сережа, сделай милость, не езди!

Розовый *(садится на стул со шляпой в руке)*. Не поеду! Видишь ли, Паша, какой я послушный… *(Смотрит на часы.)* Пять минут восьмого. Знаешь ли что, Паша, — мы с тобой в кресла по-

едем, рядом возьмем. Я к ней в антракте зайду на минуточку, да и назад. Коли не веришь, пойдем со мной — ты меня подождешь в коридоре. По крайней мере мне не так совестно будет; ведь ты знаешь, как я совестлив в этих вещах, А то вдруг обещал, да и не был, на что это похоже.

Дружнин. А из театра поедешь к ней чай пить?

Розовый. Можно и не ездить, — скажу, что нездоровится. А уж коли очень станет приставать, так... так мы поедем вместе. Вот и прекрасная мысль! Прекрасно, прекрасно; как это мне прежде не пришло в голову. Мы поедем вместе: ты меня будешь останавливать; по крайней мере ты все увидишь своими глазами.

Дружнин. Ну, хорошо, поедем; только ты у меня смотри!..

Розовый. Ах, Паша, как я тебе благодарен! Друг ты мой! Вот друг-то!..

Дружнин. Ты помни, какая тебя ожидает перспектива, если ты женишься на этой женщине.

Розовый. Знаю, знаю... *(Задумывается.)* Перспектива ужасная!

(Идут к дверям.)

Дружнин. И хорошо еще, что я поспел во-время, чтобы спасти тебя из этой пропасти.

Розовый. Спасибо тебе, Паша, спасибо!.. *(Уходят.)*

Сцена вторая

Гостиная в доме Софьи Антоновны.

I

Из передней входят Софья Антоновна в шляпке и Розовый.

Софья Антоновна. Послушайте, Сергей Андреич, я на вас рассержусь.

Розовый. Да за что же, Софья Антоновна?

Софья Антоновна. Я уж вам сказала, чтобы вы мне не говорили комплиментов.

Розовый. Да ей-богу, Софья Антоновна, это не комплименты. Ей-богу, не комплименты!

Софья Антоновна. Знаю я вас, вам поверь, а после…

Розовый. Мне-то, Софья Антоновна, не поверить? Мне-то не поверить? Господи!

Софья Антоновна. Вам-то я именно и не поверю.

Розовый. Софья Антоновна! да за что же? Да вы мне прикажите доказать чем-нибудь, коли словам не верите.

Софья Антоновна. Ну, хорошо, хорошо… Кто это с вами приехал?

Розовый. Один мой короткий приятель, Дружнин, отличнейший человек.

Софья Антоновна. У вас все отличные!

Розовый. Нет, Софья Антоновна, вы уж поверьте мне. Это совсем особенный человек, совсем особенный. Какая душа у этого человека! Необыкновенная! Он давно хотел с вами познакомиться.

Софья Антоновна. А я было думала, что мы с вами проведем вечер вдвоем. Я так расположена была к этому: я даже брату не велела приезжать.

Розовый. Вы, Софья Антоновна?

Софья Антоновна. Сергей Андреич! Вот вы и сами мне не верите, и вам тоже нужны доказательства.

Розовый. Ах, Софья Антоновна! Нет, Софья Антоновна!.. Так я пойду прогоню его. Он ничего… Он отличнейший человек.

Софья Антоновна. Что вы, что вы!.. Как это можно!..

Розовый. Ах, как же это?..

Софья Антоновна. Что ж делать-то, — сами виноваты.

Розовый. Ах, какая досада!

Входит Дружнин.

Розовый. Рекомендую вам, Софья Антоновна, лучшего моего друга.

Софья Антоновна. Очень приятно. Я так много слышала об вас от Сергея Андреича.

Дружнин. Я давно желал-с… и давно просил Сергея Андреича.

Софья Антоновна. Садитесь, господа! Сергей Андреич, займите вашего приятеля, а меня извините; я вас оставлю на минуту. *(Уходит.)*

II

Дружнин *(отводит Розового на авансцену)*. Как ты себя подло вел, просто смерть. Измучил ты меня.

Розовый. Да чем же, Паша, измучил! Ты ко мне уж очень пристаешь нынче.

Дружнин. Во-первых: ты сказал, что пойдешь к ней в ложу на одну минуту, а я тебя в коридоре ждал целый час, ровно час, так что капельдинеров стало совестно. Вот ты всегда своих приятелей в такие положения ставишь. Во-вторых: шепчутся, любезничают… Об чем вы там шептались?

Розовый. Да так, ни о чем, о пустяках!

Дружнин. Так отчего же было таить-то?

Розовый. Да как же, Паша! Ведь легко рассуждать об этом, а был бы ты сам на моем месте…

Надобно послушать, Паша, как она говорит. Нет, я давеча ошибался: она умна, очень умна.

Дружнин. Ну, так я и ожидал! Значит, весь наш разговор пошел на ветер. Да выслушай ты меня, Сережа, я готов просить тебя со слезами, выслушай ты меня…

Розовый *(смотрит на дверь)*. Говори, Паша, я слушаю.

Дружнин. Да, слушаешь ты.

Розовый. Нет, Паша, право, здесь не место, ей-богу, не место. Мы лучше в другой раз как-нибудь.

Дружнин. Пропащий ты человек!

Входит Маша с чайным прибором.

Розовый. Что, Маша, оделась Софья Антоновна?

Маша. Оделись! Сейчас выйдут. *(Уходит.)*

Дружнин. Прощай, Сережа.

Розовый. Что ты, что ты? Как это можно. Погоди немножко!

Дружнин. Нет уж, довольно! Помучил ты меня нынешний вечер!

Розовый. Ну, немножко, Паша. Я сам сейчас поеду. *(Вынимает часы.)* Вот через четверть часа.

Дружнин. Изволь, я на четверть часа останусь,

только уж ни одной секунды больше, я тебе заранее говорю.

Розовый. Вот как будет половина двенадцатого, так и поедем.

III

Входит Софья Антоновна.

Софья Антоновна. Извините, господа, что я заставила вас дожидаться.

Розовый садится подле нее.

Господин Дружнин! *(К Розовому.)* Как его зовут?

Розовый. Павел Гаврилович.

Софья Антоновна. Павел Гаврилович, садитесь к нам поближе.

Дружнин подвигается.

Как вам показался сегодняшний спектакль?

Дружнин. Не знаю, как вам сказать, я мало смотрел на сцену.

Софья Антоновна. Куда ж вы смотрели?

Дружнин. Я больше смотрел на зрителей.

Софья Антоновна. Да, кажется, смотреть-то было не на что! Народу было немного, хорошеньких лиц я не видала ни одного.

Дружнин. Ах, нет; я совсем не того ищу. Я не большой охотник смотреть на хорошенькие лица издали.

Софья Антоновна. Так чего же вы ищете? А, я догадываюсь: вы, вероятно, ищете пищи для остроумия?

Дружнин. Да-с! Вы угадали.

Софья Антоновна. Вот как!.. Так вы опасный человек.

Розовый. Не верьте, Софья Антоновна, — он шутит. А ведь первая пьеса прошла очень хорошо.

Дружнин. А ты видел ли ее?

Розовый. Конечно, видел. Как прекрасно сыграна была роль племянника! Ты не знаешь, кто играл?

Дружнин. Какого племянника?

Розовый. Ну, что влюблен.

Дружнин. Никакого племянника не было. Что, попался!

Розовый *(сконфузившись)*. Так я перемешал, должно быть... Софья Антоновна, что же вы не курите?

Софья Антоновна. Ах, я и забыла совсем! Принесите мои папиросы, они там на столике.

Розовый проворно встает и уходит.

IV

Софья Антоновна. Не правда ли, что ваш друг очень любезный человек?

Дружнин. Мне кажется, уж чересчур!

Софья Антоновна. А разве это дурно?

Дружнин. Я, с своей стороны, не нахожу в этом ничего привлекательного. Что за мужчина, который готов растаять от всякой женщины?

Софья Антоновна. Мне кажется, что это все-таки лучше, чем быть злым человеком!

Дружнин. Едва ли!

Софья Антоновна. Вы думаете? Я не нахожу этого; впрочем, как кому кажется. Вы курите?

Дружнин. Курю.

Софья Антоновна. Курите, сделайте одолжение.

Дружнин закуривает папиросу. Непродолжительное молчание.

Мне очень не нравится в молодых людях, когда они прикидываются разочарованными. Это так нетрудно нынче, да и едва ли они этим что-нибудь выигрывают.

Дружнин. Впрочем, и они имеют успех.

Софья Антоновна. Сомнительно! Ведь много

очень и клевещут на женщин. Женщина, которая понимает свое назначение, поверьте, не увлечется искусным разыгрыванием заранее заученной роли. По крайней мере для меня они всегда казались смешны.

Дружнин. Я с вами согласен; но много ли таких женщин?

Софья Антоновна. Поверьте, что женщин, понимающих свои обязанности, гораздо больше, чем мужчин.

Дружнин. В этом позвольте с вами не согласиться.

Софья Антоновна. Очень понятно, вы мужчина… что касается до меня, высшее блаженство для женщины — быть хорошей женой и хорошей матерью. Впрочем, это мое личное мнение, и я его никому не навязываю.

Дружнин. Это очень похвальное убеждение.

(Молчание.)

Софья Антоновна. Что же он там пропал… Сергей Андреич, что вы там делаете?

Розовый *(за сценой)*. Да не найду, Софья Антоновна!

Софья Антоновна. Да направо, на столике.

Розовый *(за сценой)*. На столике нет.

Софья Антоновна *(встает и идет).* Какой скучный! *(Уходит.)*

V

Дружнин *(один).* Я ее понял… Она просто кокетка, и кокетка страшная. Я удивляюсь, как Сергей не видит этого. Впрочем, где ему! Но при моем содействии мало-помалу и он поймет это. За работу, Павел Гаврилович, за работу!.. Спасайте вашего друга, пока можно. Уж я, кажется, дал ей почувствовать, что понимаю ее. Что же это они там пропали?.. Что такое?.. *(Вскакивает со стула.)* Мой Розовый целует ей ручки? И как громко!.. это ужасно!.. Нет, это черт знает что такое! с этим человеком нельзя иметь никакого дела. Подлец совершенный!..

Входит Розовый.

Что ты делаешь, скажи, ради бога?

Розовый. Ах, Павел, не говори этого! Я счастлив!..

Дружнин. Ты счастлив?.. Ха, ха, ха. Ты счастлив! Человек стоит на краю бездны и говорит, что я счастлив!

Розовый. Нет, Паша, не говори этого.

Дружнин. Не говори этого? А ты забыл давеш-

ний разговор?.. Ты забыл, какая ожидает тебя перспектива?

Розовый. Паша, мы давеча ошиблись с тобой; это чудо, а не женщина! Ты вглядись, сделай милость; вглядись!

Дружнин. Да что ты мне рассказываешь, я видел своими глазами, что она кокетка, каких мир не производил!

Розовый. Нет, Паша, сделай милость, не говори ты этого. Ты меня этим обижаешь. Ты вглядись, вглядись!..

Дружнин. Не хочу я вглядываться! Сто́ит вглядываться!

Розовый. Послушай, ты не можешь так говорить. Ты меня обижаешь!

Дружнин. А ты думаешь, мне легко смотреть на твое отвратительное поведение. Ты мне вот где сел!..

Розовый. Все-таки, Паша, если ты мне друг, ты должен уважать женщину, которая дорога для меня.

Дружнин. У тебя все до́роги; тебе стул наряди в женское платье, ты и тут растаять готов.

Розовый. Ну, Паша, говори, говори, что хочешь, я на тебя не сержусь, я понимаю, что ты все это из дружбы, из любви ко мне. Я знаю, что ты мне

добра желаешь. Я ценю это, Паша, ты мне поверь, что я ценю; только, извини ты меня, ты напрасно горячишься. Теперь уж поздно.

Дружнин. А я хочу, чтоб было не поздно!..

Розовый. Нет, Паша, уж поздно.

Дружнин. Я этого знать не хочу. Я приехал затем, чтоб спасти тебя, и без этого не уеду отсюда. С тобой надо принимать крутые меры. Поедем сейчас домой, поедем, поедем, и не разговаривай!

Розовый. Ты меня не понимаешь, Паша, я уж сделал предложение.

Дружнин. Ты сделал предложение?!. Ты?.. Да как же ты смел?

Розовый. Паша, голубчик, не сердись!

Дружнин. Нет, уж это из рук вон! Как ты смел сделать со мной такую подлость? Уверял меня, что ты гибнешь, просил помощи, я изо всех сил стараюсь; а он где-то за дверью, потихоньку, делает предложение!

Розовый. Паша, я не потихоньку.

Дружнин. Этак ты под видом дружбы завезешь меня куда-нибудь к шулерам да обыграешь, наверное. От тебя станется. Нет, уж я теперь сам на всякую подлость решусь. Я сейчас пойду к Софье Антоновне и скажу ей, что у тебя две любовницы, скажу, что ты женат, что у тебя шесть человек

детей…

Розовый. Паша, ты этого не сделаешь.

Дружнин. А вот увидишь… Потихоньку, за дверью… ведь уж видно, что низость, когда человек от людей бегает. Зачем я пойду за дверь, когда я честный человек. Хорошо, дружок, я тебе это припомню.

Розовый. Да ей-богу, Паша, не за дверью… У нас давно об этом был разговор. Я только боялся сказать тебе об этом. Вот как это сделалось…

Дружнин. Да что ты мне рассказываешь? Очень мне нужно знать. Я и знать не хоту. Велика важность, что ты женишься: одним дураком больше и все тут. *(Молчание.)* Какое мне дело, на ком там кто-нибудь женится! *(Встает.)* Прощайте, Сергей Андреич!

Розовый. Куда же ты, погоди немножко!

Дружнин. Нет-с! Уж что же мне здесь делать?

Розовый. Паша, если ты меня любишь, так останься

Дружнин. Вы, я думаю, можете рассудить, что не могу я здесь оставаться.

Розовый. Бог с тобой, Паша! Я не ожидал, чтоб ты меня бросил в такое время.

Дружнин. На что вам приятели, — у вас будет жена, прекрасная женщина. Прощайте, Сергей

Андреич!

Розовый. Я не могу тебя удерживать, только мне, право, это очень грустно. Прощай!

Дружнин. Прощай!

Розовый. Прощай!

Дружнин *(идет к двери, останавливается)*. И ты думаешь, что я останусь после этого тебе другом?..

Розовый. Я, ей-богу, не знаю, Паша, как мне быть. Я в самом критическом положении…

Дружнин. Нет, ты рассуди хладнокровно: могу ли я остаться твоим другом?

Розовый. Я, право, Паша, не знаю; я чувствую, что виноват перед тобою.

Дружнин. Что такое виноват! Ты думаешь, что я сержусь на тебя? Совсем нет. Это для меня ничего, что ты виноват, я совсем не в претензии на тебя. Я тебя даже больше люблю, чем прежде, гораздо больше. Но все-таки я не могу быть твоим другом, я не могу тебя видеть!

Розовый. Да отчего же, Паша?

Дружнин. Ты, пожалуйста, не думай, что я сержусь на тебя. Давай руку. Вот так! Поцелуемся.

(Целуются.)

Ну, теперь ты веришь, что я не сержусь на

тебя?

Розовый. Верю, Паша, верю.

Дружнин. А все-таки, Сережа, я не должен тебя видеть. Мне это будет тяжело, очень тяжело, а делать нечего,

Розовый. Извини ты меня, я не понимаю, я точно как в тумане каком.

Дружнин. А! Ты не понимаешь?

Розовый. Не понимаю.

Дружнин. А вот я тебе объясню. Представь ты себя на моем месте: у тебя есть друг, человек с нежным сердцем, он женится, — женится на женщине, которая не может составить его счастье; положение его безвыходно; он тает день за день, помочь ты ему не можешь, он замечает твое сострадание, и ему становится еще тяжелее; он начинает задумываться, потом сходит с ума и кончает самоубийством — и ты должен все это видеть!

Розовый. Полно, Паша, что это за черные мысли.

Дружнин. Не говори мне этого. У меня был один приятель в чахотке, каково мне было смотреть на него? Нет, Сережа, для своего спокойствия я должен отказаться от тебя: знаю, что мне будет тяжело, я, может быть, не перенесу этого…

Розовый. Ты по крайней мере останься хоть на несколько минут, я прошу тебя.

Дружнин. Изволь, это я могу для тебя сделать.

VI

Входит Софья Антоновна, садится к столу.

Софья Антоновна. Господа! Не угодно ли вам еще чаю?

Дружнин. Нет-с, покорно благодарю.

Розовый *(садится подле Софьи Антоновны)*. Какое блаженство, Софья Антоновна, кончить день такой семейной картиной. Вы не поверите, Софья Антоновна, как это приятно. Душа отдыхает. *(Целует у ней руку.)* Ах, ей-богу, как это приятно!

Софья Антоновна. Кто же вам мешает наслаждаться этим блаженством? Приезжайте ко мне почаще.

Розовый. Я буду, Софья Антоновна, к вам каждый день ездить. Вы мне позволите?

Софья Антоновна. Я вас прошу об этом.

Розовый. Ах, Софья Антоновна!

Дружнин. Сергей Андреич, мне пора!

Софья Антоновна. Куда это вы так торопитесь?

Дружнин. Да уж пора-с. Мне завтра много дела

Софья Антоновна. Уж какие у вас дела, просто вам скучно у меня.

Дружнин. Напротив, мне очень приятно. Только у меня, право, много дела завтра.

Розовый *(целует руку у Софьи Антоновны)*. Уж полно, полно. Я вам после, Софья Антоновна, скажу, отчего он торопится.

Софья Антоновна. Отчего же после, а не теперь?

Розовый. Нет, я вам после скажу.

Софья Антоновна. Нет, теперь.

Дружнин. Уж он вам наскажет.

Розовый. Признаемся, Паша! Софья Антоновна такая женщина, что, верно, нас простит.

Софья Антоновна. О, если за этим дело стало, так, пожалуйста, не затрудняйтесь.

Розовый. Я знал заранее, Софья Антоновна, что у вас ангельское сердце. *(Целует у ней руку.)* Видишь, Паша, нам бояться нечего, остается только чистосердечно покаяться.

Дружнин. Кайся, пожалуй! Я ни в чем не виноват перед Софьей Антоновной.

Розовый. Как ни в чем не виноват? А какие замыслы-то были у нас с тобой против Софьи Антоновны?

Дружнин. Что ж, мне извинительно, я совсем

не знал Софью Антоновну… Да полно, перестань! *(Отходит в другую сторону и рассматривает какую-то картину.)*

Софья Антоновна. Однако это становится очень интересно. Какие же это замыслы были у вас?

Дружнин. Мне совестно вспомнить, Софья Антоновна!.. Если б не ваша доброта, я, ей-богу, ни за что бы не признался вам. Мы приехали сегодня к вам с самым низким намерением.

Софья Антоновна. Вот как!

Розовый. Ах, Софья Антоновна, уж лучше поругайте меня, мне, право, не так совестно будет!

Дружнин. Да перестань, сделай одолжение.

Розовый. Да и то перестать надобно. Когда я начинал, я думал, что у меня хватит духу рассказать все, а теперь вижу, что не могу. Мне просто стыдно! Побраните меня лучше, Софья Антоновна, мне, ей-богу, будет легче.

Софья Антоновна. Бранить я вас не стану и не имею права, а все-таки странно для меня, что у вас были какие-то намерения против женщины, о которых вам даже сказать совестно.

Розовый. Софья Антоновна, пожалуйста, вы не думайте, чтоб это было что-нибудь важное.

Софья Антоновна. Однако довольно и того,

что вам совестно об этом сказать. Можно ли на вас теперь в чем-нибудь понадеяться, когда у вас достало духу сделать какую-то неприятность женщине. И чего же должна я надеяться от вас вперед?

Розовый. Софья Антоновна, позвольте, я вам расскажу. *(Берет ее за руки.)*

Софья Антоновна *(отнимает руку)*. Сделайте одолжение, не нужно. Вы уж имели довольно времени, чтоб сочинить все, что вам угодно.

Розовый. Да как же я смею, как я смею это сделать?

Софья Антоновна. Как трудно разобрать мужчину, и сколько должна ошибаться бедная женщина.

Розовый *(тихо)*. Ах, Софья Антоновна, вы не то совсем думаете, я, ей-богу, не виноват.

Софья Антоновна. Подите вы!

Розовый. Ах, Софья Антоновна! Ей-богу, не я-с! Что же это такое? *(Показывает на Дружнина.)* Это он…

Софья Антоновна. Вот это хорошо! В вас нет даже настолько благородства, чтобы откровенно признаться в своей вине, вы сваливаете ее на приятелей.

Розовый. Ах, Софья Антоновна, это он, ей-бо-

гу, он!

Софья Антоновна. И вы думаете, что этим можно оправдаться? Зачем же вы окружаете себя такими людьми?

Розовый. Ах, нет, Софья Антоновна; он, ей-богу, прекрасный человек, ей-богу, он прекрасный.

Софья Антоновна. Хорош, нечего сказать.

Розовый. Ах, Софья Антоновна, нет, не то, не то! Ах! я вот выразить не умею, что я чувствую. Ах, Софья Антоновна, это бывает и с хорошими людьми; находит иногда так по глупости. Ах, Паша! Паша!..

Дружнин. Что тебе?

Розовый *(смотрит на него умоляющим взглядом)*. Паша! Ведь ты виноват, ведь ты? Признайся, признайся, сделай милость! Скажи все откровенно.

Дружнин. Изволь, я признаюсь. Вот в чем дело, Софья Антоновна. Надобно вам признаться, что я его очень люблю… Я его очень люблю, Софья Антоновна.

Розовый смотрят на него пристальным взглядом, в котором выражается благодарность.

Я знаю его слабое сердце; мне случалось видеть неприятности, которые он должен был терпеть

за этот недостаток. Я недавно узнал, что он познакомился с вами. Извините, почему-то я имел об вас не совсем выгодное мнение; я испугался, чтоб это знакомство не довело его до чего нибудь серьезного и приехал к вам с намерением воспрепятствовать вашему сближению.

Софья Антоновна. И только?

Дружнин. Больше ничего.

Софья Антоновна. Скажите, сделайте одолжение, отчего вы составили обо мне такое мнение?

Дружнин. Право, не могу вам сказать отчего!

Софья Антоновна. Вам, может быть, говорили что-нибудь про меня? Мы, право, такие жалкие создания.

Розовый. Ах, Софья Антоновна, разве мы поверим кому-нибудь?

Софья Антоновна. Про меня может сказать всякий, что ему угодно: за меня заступиться некому.

Розовый. Как некому, Софья Антоновна? За что же вы меня-то обижаете?

Маша *(из-за двери)*. Софья Антоновна!

Софья Антоновна. Что тебе?

Маша. Пожалуйте сюда.

Софья Антоновна уходит.

VII

Дружнин. Ну, ты теперь, кажется, достиг своей цели. Я теперь тебя понимаю хорошо. Ты давно уж решился жениться на ней, а меня давеча обманывал, пользуясь моим расположением; разыграл со мной штуку для своей потехи. Она теперь меня ненавидит. И неужели ты думаешь, что после всего этого я могу остаться твоим другом? Нет уж, покорно благодарю.

Розовый. Ты сам видел, Паша, в каком я был положении.

Дружнин. Если тебе нужно было отвязаться от меня, ты бы так и сказал.

Розовый. Да нет, Паша, нет, я совсем не думал.

Дружнин. Думал ты или нет, только ты меня выдал, и выдал, чтоб оправдать себя, из трусости. И это дружба, по-твоему? Это предательство самое низкое.

Розовый. Ах, какой у меня характер! Я даже и не помню, как это все сделалось. Точно я в каком-то тумане, впрочем, я не думаю, чтобы она на тебя сердилась, Паша.

Дружнин. Вот это мило. Да не только сердиться, она должна меня ненавидеть. Ты увидишь это сейчас, как только женишься.

Розовый. Ты пореже к нам езди.

Дружнин. Покорно благодарю. Я так и думал. А если она совсем не захочет меня видеть — ты тогда скажешь, не езди к нам совсем? Ты, конечно, уж не захочешь ей противоречить, а если и захочешь, так не посмеешь.

Розовый. Ах, Паша, я все-таки тебя не забуду; я вечно буду помнить о тебе, по гроб. Впрочем, мы можем иногда видаться потихоньку.

Дружнин. Однако каково мне будет и то, что жена лучшего моего друга считает меня черт знает за кого.

Розовый. Да, да, мы должны будем расстаться. Только каково это будет мне? Ах, боже мой, что же мне теперь делать? Ей-богу, я готов заплакать.

Дружнин. Ты променяешь друга, верного и испытанного, на жену, которую еще ты хорошо не знаешь, и, может быть, ждет тебя ужасная перспектива, и без поддержки. Это в самом деле ужасно. Нет, ты должен меня сейчас же помирить с нею; для своей пользы ты должен меня помирить. Чем я больше думаю об этом, тем яснее вижу необходимость этого. Да ты вот еще возьми в расчет: тебе нужен будет шафер. Где ты его возьмешь? Да и притом же я, как первый друг твой, должен быть шафером.

Розовый. Да, Паша, да…

Дружнин. А как же я буду шафером, когда она меня видеть не может? Нет, ты даже обязан помирить меня с ней.

Розовый. Непременно, Паша, вот как только выйдет.

Дружнин. Ты рассуди хладнокровно: ведь это твой долг, ты во всем виноват, ты и должен это устроить. Мне ведь все равно, мне, пожалуй, и не нужно; да ведь это все для тебя делается. Пойми ты, что для тебя.

Розовый. Да, Паша, для меня.

Дружнин. Ну, так ты, голубчик, обделай это дело; теперь вы в таких отношениях, что она, верно, тебе не откажет. Да и поедем, Сережа, поедем, голубчик, тебе отдохнуть пора. Да закутывайся ты дорогой хорошенько, долго ли простудиться. *(Берет его за голову.)* Посмотри, какой у тебя жар!

Розовый. Да, уж у меня, Паша, голова кругом пошла.

(Берут шляпы.)

VIII

Софья Антоновна *(входит)*. Куда же вы, господа, торопитесь?

Розовый. Нам уж пора, Софья Антоновна.

Дружнин. Пора-с. *(Смотрит самым подобострастным взглядом.)*

Розовый. И мы устали, да и вы, Софья Антоновна, я думаю, тоже.

Дружнин. Надо же и вам дать покой-с!

Стоят молча, Дружнин толкает Розового локтем.

Розовый. Софья Антоновна, вы мне не откажете, если я вас попрошу об одном деле? Для вас это ничего не стоит, а для нас очень важно, очень важно.

Софья Антоновна. Что такое? просите!

Розовый. Не сердитесь на Павла, Софья Антоновна. *(Берет ее за руку.)*

Софья Антоновна. Да за что же мне на них сердиться?

Дружнин. Однако я должен быть в ваших глазах к ужасным человеком.

Софья Антоновна. Э, полноте: я так к этому привыкла.

Дружнин. Мне хотелось бы, Софья Антоновна, чтоб у вас не осталось ни малейшего неприятного чувства против меня, потому что все это, Софья Антоновна, произошло от недоразумения.

Софья Антоновна. Я нисколько на вас не сержусь. *(Протягивает ему руку.)*

Дружнин *(целует)*. Ей-богу, Софья Антоновна, от недоразумения!.. Я, Софья Антоновна, его очень люблю. Вы спросите у него.

Софья Антоновна. Я вам верю! Да куда ж вы, господа, торопитесь? А я вам, Сергей Андреич, хотела сделать маленькое поручение.

Розовый. Что прикажете?

Софья Антоновна. Да нужно бы мне купить зеркало к дивану.

Дружнин. Так уж это позвольте мне-с! Где же ему, он и занят, да и толку в этом не знает. Это уж мое дело-с. К которому дивану? К этому-с?

Софья Антоновна. К этому.

Дружнин. Нет ли у вас аршинчика?

Софья Антоновна. Маша! Подай аршин!

Дружнин. Позвольте, я сам сбегаю. *(Уходит.)*

IX

Розовый *(целует руку Софьи Антоновны)*. Ах, Софья Антоновна, иметь такого друга, такую жену! за что, за что судьба так милостива ко мне!

Софья Антоновна *(с заметным, кокетством)*. Вы этого стоите, Сергей Андреич! Вы слишком мало себя цените.

Розовый. Не стою, не стою, Софья Антоновна, это вы так только, по своей доброте говорите, что стою. Есть люди, которые всю свою жизнь не могут найти себе ни друга, ни хорошей жены… Ах, Софья Антоновна, есть бедные люди… Мы часто в счастье забываем про это!

X

Входят Дружнин с аршином и Маша.

Дружнин *(влезает на диван и меряет стену аршином)*. Нет ли у тебя, милая, снурочка?

Маша. Извольте!

Дружнин *(меряет снурком; завязывает на снурке узел и потом стоит несколько времени задумавшись)*. Аршин девять вершков и три четверти. *(Прячет снурок в карман.)* Готово-с!.. Я к вам завтра утром.

Розовый. Прощайте, Софья Антоновна! *(Целует руку.)*

Дружнин. Прощайте! *(Тоже целует руку.)*

Софья Антоновна. Прощайте, господа. Не забывайте меня.

Дружнин. Как можно, помилуйте! Однако как все это неожиданно сделалось!

Розовый. Да, Паша, совсем неожиданно.

Дружнин. Удивительное дело!.. Прощайте, Софья Антоновна!

Розовый *(целуя руку Софьи Антоновны)*. Прощайте, Софья Антоновна! Если вы хотите, чтоб я был совершенно счастлив, не сердитесь на Павла!

Софья Антоновна. Я и не думала сердиться.

Дружнин *(целуя у ней руку)*. Прощайте, Софья Антоновна! Я постараюсь оправдать себя перед вами.

Уходят.
Софья Антоновна подходит к дверям.

Дружнин *(из передней)*. Не простудитесь, Софья Антоновна! Прощайте-с.

Розовый *(тоже из передней)*. Прощайте!

Дружнин *(подходя к двери)*. Прощайте, Софья Антоновна. Так я завтра чем свет-с!

XI

Софья Антоновна *(садится на диван)*. Какой смешной этот его приятель *(зевает)*, а должен быть добрый человек *(зевает)*. Чудаки!!..

Комментарии

Впервые опубликовано в альманахе «Комета», М., 1851.

Пьеса «Неожиданный случай» написана осенью 1850 г.

В письме к М. П. Погодину (конец апреля 1851 г.) Островский так объяснил цель, которую он ставил себе при создании «Неожиданного случая»: «О своей пьеске я Вам вот что скажу: я хотел показать только все отношения, вытекающие из характеров двух лиц, изображенных мною; а так как в моем намерении не было писать комедию, то я и представил их голо, почти без обстановки (отчего и назвал этюдом). Если принять в соображение существующую критику, то я поступил неосторожно: как вещь очень тонкую, им не понять ее, и они возьмут ее со стороны формы, принимая в основание те шаткие и условные положения, которые выработались при нынешнем литературном разврате во французской и петербургской литературе».

Резко критические, как и предполагал Островский, высказывания о «Неожиданном случае»,

появившиеся в прессе вскоре но выходе альманаха «Комета», глубоко огорчили драматурга, писавшего Погодину осенью 1851 г.: «Вы знаете, в какое положение я был поставлен в начале нынешнего лета критиками, и потому мне хочется выступить с чем-нибудь важным, совершенно доделанным».

Резкость критических отзывов в какой-то степени определялась острой полемикой между «Москвитянином», в котором сотрудничал Островский, и петербургскими журналами западнического направления.

Рецензент «Современника», иронизируя над теорией «искренности таланта», выдвинутой на страницах журнала «Москвитянин», обвинял Островского в том, что он «подводит и свои произведения под эту теорию и находит в них эту искренность». В свою очередь и «Москвитянин», выдавая эту теорию за новую, «может найти в „Неожиданном случае“, — писал критик, — *искренность таланта, чистоту в непосредственной простоте и простоту в непосредственной чистоте*...».

Раскрывая содержание пьесы, автор рецензии прежде всего отметил медлительность действия и бесконечные повторения. «...Одна и та же фраза,

— писал рецензент, — переворачивается несколько раз на несколько манеров <…> которое-нибудь из лиц или Розовый, или Дружнин говорит другому: „Ты уж верно сделал какую-нибудь глупость?“ Другой обыкновенно отвечает вопросом: „Да какую же я сделал глупость?“ — и потом вторично уже говорит утвердительно: „Я никакой глупости не сделал…“». Рецензент утверждал, что лица, выведенные Островским в «Неожиданном случае», не бросаются, да и не могут бросаться в глаза, потому что лица эти сами по себе ничтожны, а характеры — избиты. «…Автор бесполезно трудится над самомалейшим их психологическим миром, — продолжал рецензент, — начинают они вздорным разговором и кончают вздором. Какую же занимательность может найти в этом читатель? Он будет в этом видеть одну пародию на искусство Гоголя, который так мастерски рисовал лица, всегда нам встречающиеся». Отмечены были в рецензии и «беспрестанные повторения, троекратные извращения фраз, которые напоминают „Бедных людей“, — повторения, переслащенные, от которых отказался большею частию сам автор „Бедных людей“, — при отдельном издании своего романа». Рецензент предостерегал автора: «…если г. Островский будет продолжать свои

наблюдения только над психологическим состоянием лиц, подобных Розовому и Дружнину, а не над *обществом*, в котором мы живем, его сцены всегда будут одинаково бесцветны, потому что сам материал его наблюдений бесцветен».

В следующем номере «Современника» была напечатана пьеса И. И. Панаева «Расстегаи (Драматический и психологический этюд)», зло пародировавшая «Неожиданный случай».

Рецензент «Отечественных записок» также отозвался о пьесе иронически: «Есть ли в „Неожиданном случае“ положение, то есть характеры? — Есть: два мужские (Розовый и Дружнин) и два женские (Софья Антоновна и ее горничная). Если один из мужских характеров, Дружнин, чрезвычайно пошл, то он может утешиться тем, что другой характер, Розовый, еще одною ступенью пошлее. Эта низшая ступень есть вместе и предел пошлости, геркулесовские столпы ее. Когда бы дело касалось *только выбора пошлости*, как сюжета комедии, тогда, пожалуй, можно бы оградиться примером Гоголя, художественно изображающего пошлое жизни; но дело касается не одного выбора: нужно, по словам „Москвитянина“, содержание, нужно, чтоб пошлое выражало идею. Где ж она?»

Рецензент «Библиотеки для чтения» (вероятно. О. И. Сенковский) отозвался о пьесе столь же неодобрительно.

Е. Н. Эдельсон, сотрудник редакции «Москвитянина», защищал Островского от нападок критики. «Никто, конечно, не станет утверждать, — замечал он, — чтобы два главные лица в этюде г. Островского были задуманы полно и цельно; если хотите, Софья Антоновна обозначается рельефнее, в ней видишь тип известных женщин; никто не станет утверждать также, чтобы в пьесе было сильное драматическое движение, но зато Розовый и Дружнин и то, что между ними происходит, дали возможность автору выставить в них много черт и движений, часто встречающихся в жизни, и выставить, надобно сознаться, верно». Существенным недостатком пьесы Эдельсон считал то, что «драматический этюд может быть вполне понятен только для немногих». Другой недостаток критик видел в том, что характеры Розового и Дружнина «не дорисованы, показаны только немногими сторонами». Закончил Эдельсон свою рецензию признательностью драматургу: «…мы получили несколько хорошего, за что и благодарим г. Островского».

«Неудачным этюдом» назвал «Неожиданный

случай» И. С. Тургенев в своей рецензии на «Бедную невесту».

Ап. Григорьев в обзорной статье о творчестве Островского дал пьесе положительную оценку. Свое мнение Григорьев подтвердил и в следующей статье об Островском. «…Островский рассердил критику отсутствием всякой желчи, всякой резкости линий, всякой выпуклости в маленьких, простеньких и, надобно сказать правду, весьма милых сценах, известных под именем „Неожиданного случая“, — от которых совершенно напрасно отрекся автор, издавая полное собрание своих сочинений… Эту беспритязательно простую и между тем психологически тонкую шутку даровитого человека критика встретила воплями за бесцветность выведенных в ней характеров, упрекала за слабость пружин, двигающих в ней отношения, или в переводе на прямой язык, осердилась на то, что отношения сами по себе легкие художник очеркнул легко, характеры безосновные и бессодержательные изобразил в безосновности и бессодержательности, не выдумал гиперболического узла, не отнесся с ядовитою насмешкою к таким беззлобным и бескровным существам, как выведенные им Розовый и Дружнин».

При жизни драматурга пьеса не игралась на сцене и впервые была поставлена в Александрийском театре 1 мая 1902 г. в бенефис суфлеров и вторых режиссеров. Роли исполняли: Розового — Р. В. Аполлонский, Дружнина — А. А. Кидаль, Софьи Антоновны — В. А. Мичурина-Самойлова, Маши — А. П. Селезнева.

Э. Л. Ефременко